

Пистолет прижался к его лицу, холодный ствол медленно скользил по каждой дрожащей части его кожи. Чувство опасности сдавило голову Чжоу Цзюня до болезненного напряжения. Оружие проникло под его белый халат, коснулось бедра и, словно приподнимая красную вуаль невесты, медленно задрало полы одежды. Черный кружевной пояс для чулок, опоясывавший талию, полностью обнажился.

В комнате было душно, воздух словно сжался в маленьком углу у двери. Слышались глухие звуки глотания Чжоу Цзюня. В состоянии крайнего испуга его бледные щеки казались пропаренным тестом, с которого капли пота одна за другой стекали вниз. Пистолет был ледяным, но, касаясь горячей кожи, становился теплым.

В полуобморочном состоянии он чувствовал, как его сердце бьется о дверь грудной клеткой, словно готово превратиться в кашу. Ему было трудно дышать. С пересохшим горлом он начал бессвязно умолять о пощаде. Ствол пистолета поднялся из-под халата, перчатки терлись о его талию, затем резко надавили на живот, откинув его назад.

Его ягодицы поднялись, выглядело это крайне нелепо. Пояс был сорван, обнажив грудь и слегка мускулистый живот. Однако эта мышечная масса в глазах военного казалась смешной. Ствол пистолета пополз вверх, надавив на быстро набухающий сосок, словно пробившийся росток, прорывающийся сквозь землю. Его маленький сосок на ареоле набух, словно спелый плод.

Твердый металл причинял боль его груди. Пальцы Чжоу Цзюня упирались в дверь, оставляя на дереве овальные липкие следы. С трудом он вымолвил:

— Господин Юн... Вы видите, я не мылся, весь в поту. Если вы сейчас начнете, то испачкаетесь.

Юн Цзинь продолжал прижимать его, но убрал пистолет с груди. Чжоу Цзюнь еще не успел вздохнуть с облегчением, как воротник его одежды был медленно оттянут двумя пальцами Юн Цзиня. Каждый сантиметр его кожи дрожал, одежда застряла на локтях, дальше не сдвигаясь. Он замер, обнажив лишь половину спины.

Под вьющимися черными волосами шея покорно согнулась. Юн Цзинь сзади прищурился и неопределенно хмыкнул. Казалось, он был чем-то доволен, но неясно, чем именно. Левый сосок, с которым играл ствол, был схвачен чужой рукой, просунутой под правую подмышку. Ткань перчаток была слишком грубой, нежная кожа болела.

Но он не смел сопротивляться, лишь покорно позволял себя тянуть, сжимать до плоскости и резко оттягивать. Спина прижималась к ряду холодных металлических пуговиц, вероятно, от мундира, с грубым узором. Они словно врезались в его кости, приближаясь все ближе. Чжоу Цзюнь понял, что больше не может просто сидеть и ждать.

Он не хотел идти по этому пути, и не было смысла позволять другому сделать это. Он тщательно обдумал: никогда не слышал слухов о том, что Юн Цзинь интересуется мужчинами. Он решил рискнуть, чтобы охладить его пыл. Тогда он напряженно закричал, издав ужасный стон, похожий на крик селезня, высокий и неуверенный, срывающийся и противный.

Тогда ему заткнули рот пистолетом, и Чжоу Цзюнь сразу умолк, больше не произнося ни слова. Два офицера, стоявших у двери, услышали, как звук прекратился, и вскоре дверь начала ритмично качаться. Они переглянулись, но никто не проронил ни слова, лишь смотрели вперед, тихо ожидая, пока их генерал-майор закончит.

Прошло довольно долгое время, прежде чем дверь открылась изнутри. Генерал-майор Юн снял

пальто и вышел в белой рубашке с расстегнутыми на две пуговицы. Его лицо было спокойным, лишь с легким румянцем. Увидев, что он шагает вперед, двое офицеров быстро последовали за ним.

Чжоу Цзюнь, оставшийся в комнате, сидел на полу, ошеломленный. Затем, словно касаясь чего-то грязного, он сорвал с себя чулки и пояс. При сильном рывке остатки спермы брызнули на темный ковер. Эти тонкие женские вещи были скомканы и брошены рядом с парой перчаток, которые также были оставлены.

Их снял Юн Цзинь после окончания, заставив Чжоу Цзюня зубами стянуть их с пальцев. Он увидел руку Юн Цзиня, костяшки и ногти, словно из фарфора, с легким блеском. После снятия перчаток Юн Цзинь достал из-за пазухи носовой платок и протер ручку. Вероятно, из-за брезгливости, в начале акта он стоял спиной, а Юн Цзинь, через прохладный шелковый халат, удовлетворял себя между его ног.

Эти перчатки были небрежно брошены перед ним, упав на его ноги. Чжоу Цзюнь снял и одежду, чувствуя, что все это слишком грязно, слишком отвратительно. Он голый забрался под одеяло, пытаясь скрыться от запаха, оставленного Юн Цзинем. Но это было бесполезно, словно сперма, попавшая на его бедро, впиталась в кожу.

Везде, везде был запах Юн Цзиня. Чжоу Цзюнь крепко закрыл глаза, ему было очень плохо.

Время было еще не слишком поздним, улицы были оживленными. Когда Юн Цзинь сел в машину, адъютант Чэнь достал из запасного отсека новую пару перчаток. Сигара была аккуратно обрезана и подана Юн Цзиню. Он спокойно курил сигару на черном кожаном сиденье, и в этот момент он не походил на генерал-майора.

Адъютант на переднем сидении тихо спросил, нужно ли разобраться с господином Чжоу. Юн Цзинь, держа сигару, медленно застегнул пуговицы. Адъютант Чэнь подождал, прежде чем услышать слегка охрипший от дыма голос:

— Не нужно, оставьте его на время. Продолжайте следить за семьей Чжоу.

Черная машина поехала прямо вперед, проезжая длинные улицы, здания в смешанном китайско-европейском стиле, шумные толпы, переполненные трамваи, удаляясь от спящего Чжоу Цзюня.

Спящий был разбужен звуком открывающейся двери. Няня постучала, но плотно закрытая дверь спальни не дала ей никакого ответа, поэтому она решила, что хозяина нет. Открыв дверь, она обнаружила, что в комнате включены все лампы, а на кровати лежал большой комок, словно ребенок, и из-под одеяла выглянули испуганные глаза хозяина.

Няня подняла одежду с пола и услышала, как хозяин кричал с кровати:

— Выбросьте это, выбросьте... нет, сожгите их!

Материал был хороший, и хотя няне было жаль, она подняла вещи, чтобы выбросить их позже. Она спросила хозяина:

— Нужно ли убрать в комнате?

Хозяин снова спрятал глаза в глубине красного одеяла. Одеяло закрыло голову, поднялось выше, и ноги на мгновение показались наружу. Словно девушка, смущенно, они тут же

спрятались обратно. Хозяин велел ей набрать ванну горячей воды и можно было уходить. Няня, увидев беспорядок на столе и засохший лак для ногтей на полу, покачала головой и вышла.

Чжоу Цзюнь возобновил свои светские связи лишь через несколько дней. Мисс Вэнь ласково позвала его по имени по телефону, у нее было два билета в кино, и она хотела пойти с ним, а после потанцевать. Тогда галантный господин Чжоу повесил цепочку карманных часов на пиджак, добавил клетчатый носовой платок и шляпу, чтобы выглядеть достаточно модно.

Перед тем как поехать за мисс Вэнь, он перекусил в ресторане. Мисс Вэнь любила французскую кухню, но Чжоу Цзюнь с трудом ее понимал. Он предпочитал китайскую еду, где вкус и количество были идеальными.

Когда мисс Вэнь спустилась вниз, Чжоу Цзюнь слегка отрыгнул. Он выпил глоток газировки и открыл окно. Он сказал мисс Вэнь, что езда с открытым окном придает ночному городу особый шарм. На самом деле он просто боялся, что запах еды повлияет на его репутацию.

Их свидание должно было закончиться после танцев. Чжоу Цзюнь не приводил женщин домой, он предпочитал наслаждаться ими в их собственных квартирах. Мисс Вэнь в красных туфлях на толстом каблуке танцевала в центре зала, а он кружил ее в своих объятиях. Сладкая, приятная, мягкая женщина. Твердый, холодный, властный мужчина.

Не знаю, испарился ли выпитый алкоголь в желудке, но два остаточных чувства на его теле постоянно сменяли друг друга. Женская талия, грубые перчатки. Пышные волосы, металлические пуговицы мундира. Ярко-красные губы, прохладная сперма.

В ритме энергичной музыки он держал руку мисс Вэнь, наблюдая, как ее юбка образует полный круг, раскачиваясь, словно занавески в окне. Женщина с горячим, энергичным телом смеялась, как трепещущая птица, и бросилась в его объятия. Ее мягкая грудь прижалась к нему, а пальцы обвились вокруг его шеи.

<http://bllate.org/book/16825/1547222>